

Пушкин

СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ ПАВЛА КАТЕНИНА

На днях вышли в свет «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина [1]».

Издатель (г. Бахтин) в начале предисловия, весьма замечательного, упомянул о том, что П.А. Катенин, почти при вступлении на поприще словесности, был встречен самыми несправедливыми и самыми неумеренными критиками.

Нам кажется, что г. Катенин (так, как и все наши писатели вообще) скорее мог бы жаловаться на безмолвие критики, чем на ее строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по-настоящему, еще у нас не существует: несправедливо было бы нам и требовать оной. У нас и литература едва ли существует; а на нет суда нет, говорит неоспоримая пословица. Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою, то это доказывает только, что мы еще не имеем нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах[2].

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикою сочинениям г. Катенина, то во всех отношениях она делает ему честь: во-первых, она доказывает отвращение поэта от мелочных способов добывать успехи, а во-вторых, и его самостоятельность. Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер сию гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собою других. Таким образом, быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования.

Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой «Леноры». Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем «Манфреде» сделал из «Фауста»: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам «Ленору» в энергической красоте ее первобытного создания; он написал «Ольгу»[3]. Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым. После «Ольги» явился «Убийца», лучшая, может быть, из баллад Катенина. Впечатление, им произведенное, было и того хуже: убийца, в припадке сумасшествия, бранил месяц, свидетеля его злодеяния, *плешивым!* Читатели, воспитанные на Флориане и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первые неудачи Катенина; они имели влияние и на следующие его произведения. На театре имел он решительные успехи. От времени до времени в журналах и альманахах появлялись его стихотворения, коим наконец начали отдавать справедливость, и то скупю и неохотно. Между ими отличаются «Мстислав Мстиславич», стихотворение, исполненное огня и движения, и «Старая быль», где столько простодушия и истинной поэзии.

В книге, ныне изданной, просвещенные читатели заметят *идиллию*, где с такою прелестною верною постигнута буколическая природа, не геснеровская, чопорная и манерная[4], но древняя простая, широкая, свободная; меланхолическую *элегию*, мастерской перевод трех песен из *Inferno* и собрание *романсов о Сиде*, сию простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадут справедливость ученой отделке и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г-на Катенина, слишком пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

14 марта 1833

Примечания:

1. *Катенин Павел Александрович* (1792 — 1853) — поэт и критик, литературный единомышленник Грибоедова и Кюхельбекера, противник Карамзина и его школы, один из видных деятелей ранних декабристских организаций, высланный в 1822 г. из Петербурга. Откликом на эту высылку является дружеское упоминание о Катенине в первой главе «Евгения Онегина». В феврале 1826 г. Пушкин писал ему: «Голос истинной критики необходим у нас, кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление... Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли» .

О столкновении Пушкина с Катениным в 1828 г. в связи с балладой «Старая быль» см. в исследовании Ю. Н. Тынянова «Архаисты и Пушкин» («Пушкин в мировой литературе», Л. 1926, стр. 260—265).

2. Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою... мы еще не имеем нужды ни, в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. — Это суждение впервые сформулировано было в 1830 г. в набросках «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений». Шлегель Август-Вильгельм (1767 — 1845) — поэт и критик, автор работ по истории и теории драмы, один из основоположников немецкой романтической школы; Лагарп Франсуа (1739 — 1803) — французский историк и теоретик литературы, апологет классицизма, автор шестнадцатитомного труда «Лицей, или Курс древней и новой литературы».

3...он написал «Ольгу». — Баллада «Ольга» опубликована была в 1816 г. В рецензии на нее Н. И. Гнедича отмечалось, что стихи Катенина «оскорбляют слух, вкус и рассудок» («Сын отечества», 1816, № 27). В защиту Катенина выступил в том же журнале Грибоедов. К концу 1819 г. относится отзыв Пушкина о «славянских стихах Катенина, полных силы и огня, но отверженных вкусом и гармонией» («Мои замечания об русском театре»).

4. ...геснеровская, чопорная и манерная... — Саломон Геснер (1730 — 1788) — швейцарский идиллик.